

Примечательно, что наиболее вероятный, по мнению Б. М. Клосса, автор «Сказания» — коломенский епископ Митрофан был связан с Троице-Сергиевой обителью. Сама же фамилия московской купеческой династии Сараевых явно восточного происхождения.

Между 1462 и 1466 гг. была направлена подтверждающая тарханная грамота: «От великого князя Ивана Васильевича в Галичь таможеннику моему Федору Добрынину, или кто по тебе на Галиче иный таможник будет. Били ми челом троецкой игумен Сергиева монастыря Васьян з братьею, а сказывают, что деи у них грамоту отца моего, великого князя, да и мою жаловальную рушишь, емлещи деи у них тамгу силою через грамоту мою, великого князя, жаловальную, И ты б у них моей грамоты, великого князя, жаловальные не рушил, тамги бы еси на них не имал, ни иных никоторых пошлин. А прочет сю грамоту, отдали им назад, и оне себе ее блюдут впрок иных моих для таможенников». Можно лишь предположить, что великокняжеский таможенник в Галиче Ф. Добрынин также имел прямое отношение к купечеству, как и откупщики пошлин на Белоозере, где в 1497 г. сроком на один год «откупили белозерскую тамгу да пятно коневое Тит Окишов, да Есип Тимофеев, да Семен Бобр». В первой же статье Белозерской таможенной грамоты 1497 г. оговорены условия, на которых они получали право сбора двух налогов: «А откупа им дати сто рублей и дватцать рублей. А имати у них те денги часовнику под[ъ]ячому по сроком: шестьдесят рублей взяти у них на Великое заговейно на мясное, а шестьдесят рублей взяти у них на ц[а]ря Константина и Еленин д[е]нь». Кое-кто из этих таможенных откупщиков (скорее всего, Семен Бобр и Тит Окишев) происходил из купеческой среды.

Их опыт использовался в налаживании таможенной службы и позднее, в начале XVI в. В частности, в 1510 г. вслед за ликвидацией независимости Псковской боярской республики великий князь московский Василий III «прислаша с Москвы гостей тамгу устанавливати нова, зане же во Пскове тамга не бывала, безданно торговали». По имеющимся источникам невозможно установить степень выгодности для московских купцов откупов на сбор таможенных пошлин в конце XV—первой половине XVI в.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИНОЗЕМНЫЕ «ГОСТИ» В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI в.: ОБЩАЯ ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, РОД ЗАНЯТИЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Означенный в заглавии нашей статьи период времени стал решающим моментом в истории Русского государства, т. к. именно тогда завершился «монгольский этап» консолидации Великороссии вокруг Москвы и началось формирование единой независимой православной державы с центром в Первопрестольной. Иоанн III Васильевич, 44-й представитель династии Рюриковичей, вступив в возрасте 24 лет в управление «отчиной» (1462 г.), присоединением Новгорода, Пскова, Рязанских земель, большей части поднепровского Левобережья расширил пределы последней до границ Швеции и Финляндии, до городов Нарвы, Белого, Чернигова на западе и юго-западе, до среднего течения Северского Донца, истоков Суры и Камы — на юге и юго-востоке, до Оби — на востоке и до ненецкого Заполярья — на севере. А поскольку в последующие 60 лет рубежи эти оставались почти неизменны, есть все основания говорить о новых условиях развития отечественных торговли, купечества и связанного с ними таможенного дела как способа приспособления к национальным интересам международных товарно-денежных потоков.

Укрепление и расширение Руси способствовали росту интереса к ней во всем мире, за чем следовало желание самому посетить тот край, о котором, к примеру, те же европейцы еще долгое время будут знать меньше, чем о Новой Голландии (именно так стала называться тайно открытая нидерландскими кальвинистами в XVII в. современная Австралия)¹. Поэтому заметно активизировались визиты сюда гостей как с Запада, так и Востока, с территорий не только приграничных, но и отдаленных. Увеличивается площадь старых и появляются новые «иноземные» жилые кварталы прежде всего в самой Москве (Басманка, Китай-город, Кукуй), а также в Новгороде (Прусский конец), Пскове (Немецкая слобода)², порубежных Гомеле, Путивле, Ельце, Кадове. Едут дипломаты, ученые, миссионеры, врачи, горные инженеры (рудознаты-розмыслы), архитекторы, купцы, однако численно преобладает пока именно торгующий элемент, причем настолько, что слова «гость» (в смысле — «приезжий») и «купец» становятся в данном контексте почти синонимами.

Конец XV в. — время становления экономических взаимоотношений между Москвой и Мадридом. Нам известны имена по крайней мере четырех уроженцев Андалузии, Каталонии и Арагона, которые в период с 1480 по 1602 г. более или менее регулярно возили на Русь тонкие арабские ткани, французское оружие, предметы роскоши итальянского производства. И хотя общий процесс сближения двух регионов в эпоху классического средневековья еще ждет своего исследователя, динамика его была достаточно активной: в июле 1505 г. король Филипп I в очередной раз просил Великого князя отпустить домой пленных лифляндцев, в 1595 г. русским предоставляется право свободной торговли в Иberoамерике, к 1600 г. намечается православно-католический союз с целью совместного противостояния Османской порте³.

После 1474 г. общерусское значение приобретает и торговля со Швецией, причем «свеи» доставляли на Восток свое знаменитое на всю Европу железо, продукцию кустарных промыслов и рыболовства, английские ткани, ядра и пушки. 6 шведских купцов проживало в самой Москве, до 9 — во Пскове, 15 — в Новгороде Великом, целая колония — во вновь возведенной пограничной крепости Ивангород. И хотя шведские корабли (бусы и шняки) нередко грозили славянскому берегу оружием, периоды военных столкновений сменялись, как правило, активизацией товарных связей⁴.

Дальнейший импульс получили и оформившиеся еще в самом начале XIV в., задолго до Кальмарской унии 1397 г. Копенгагена и Стокгольма, русско-датские экономические контакты. Так, 8 ноября 1493 г. между царем Иоанном III и Королем Гансом-Юханом возникло «Докончание о мире и дружбе», которое, кроме всего прочего, устанавливало таможенные нормы между двумя странами, регулировало положение датских купцов в Москве. В следующие 7 лет Русь посетило два больших датских посольства (1494—1495 и 1499 гг.), в обозе которых ехало 12 купцов из Лунда, Роскилле, Борнгольма, особо интересовавшихся местным зерном, юфтью, воском и составивших основу московской датской колонии. Пограничные вопросы решались также и на переговорах 1501—1503 гг., причем Москва проявила заинтересованность в присылке большой группы датских военных специалистов и дала добро на проезд в свои территории еще 8 купцов с «<...>железным и стекольным товарами». Есть сведения о пребывании отдельных датских торговцев в Брянске, Чернигове и Курске⁵.

Менее 10 лет отделяет хронологию нашего повествования от 29 мая 1453 г. — дня, когда Османская орда, накрыв Константинополь и разрушив остатки Византийской империи, через уже раздробленный на

разного рода королевства, герцогства и деспотаты Пелопоннес, устремилась на юг Европы. Не желая становится «райя», многие греки начали свой героический исход к северу, через Болгарию, Молдавию, Валахию, Литву, пробираясь на единовенную православную Русь. В Рылъске, Курске, Новгород-Северском, Трубчевске, Карачеве, а затем и в самой Москве появляются новые дома, подворья и районы компактного проживания греков, судьбой которых стала натурализация, а профессиональной специализацией — по преимуществу внутренняя торговля. С другой стороны, греческий элемент (косяк которого, по нашим подсчетам, составляли тогда до 20 семей) выполнял роль своеобразного «торгового моста» между Стамбулом и Москвой, везя сюда (главным образом — через вассальное туркам Крымское ханство) вина, ювелирные изделия, декоративное оружие, ткани, сахар, лошадей, а отсюда — железо, воск, поташ, смольчуг, меха⁶.

Тот же путь с юга, но уже через Судак и выше, обеспечивал проникновение в Россию итальянцев. Долгое время владея форпостами на южном берегу Крыма, генуэзцы, венецианцы, флорентийцы, ломбардийцы, неаполитанцы находились достаточно близко от русских кордонов (ближе них были, пожалуй, лишь скандинавы), что и позволило им завязать здесь тогда обширные торговые связи. Среди мировых имен первой величины, знакомых с Московским царством, назовем уроженца Апеннин Марко Поло, из дипломатов — А. Контарини, из инженеров — А. Фьораванти и семью Фрязиных, из ученых — Фра-Мауро (автора первой европейской карты русских земель), из купцов — кланы Сан-Джорджо, Чентурионе, Дель Пино, ди-Гаспи, причем все они доставляли в Москву и Новгород оружие, тонкое и грубое сукно, стекло и посуду, бумагу, красные квасцы, золотую и серебряную монету, а забирали с собой главным образом икру, зерно и воск⁷.

Через Венгрию и Великое княжество Литовское пробирались на Русь и уроженцы таких юго-восточных земель тогдашней Священной Римской империи, как Тироль, Зальцбург, Каринтия, Крайна, Штирия, Австрия, т. е., все те, кого, с известной долей условности, можно было назвать австрийцами. Вслед за венскими посланниками М. Снупсом, Гартингером, Ю. Делатуром, (Г.-фон-Турном), Н. Попелем в Москву и Новгород съехалось из тех краев до 10 купцов с французскою и итальянскою мануфактурою, фландрскими тканями, бочоночной сельдью из Фрисландии. В обмен на обещание цесарей Фредерика III и Максимилиана регулярно присылать на Русь своих рудокопов, плавильщиков, каменщиков, серебрянщиков царь Иоанн III позволил их негосударственным увеличить закупки в его землях рухляди, ворвани, рыбьего зуба, охотничьих кречетов⁸.

Не менее важным торговым партнером Московского государства являлась также Северная Германия, в первую очередь — торговый союз ряда городов немецкой Балтики, известной в истории под названием «Ганза», и федеративные по своему устройству Тевтонский и Ливонский ордена. Товарно-денежные отношения с этими регионами регулировались целым рядом соответствующих договоров, наиважнейшими из которых следует считать соглашения 1481 и 1493 гг. с ливонцами, 1471, 1474 и 1503 гг. — с тевтонцами, 1487, 1494—1495 гг. — с ганзейцами. Именно они определяли режим пребывания на Руси немецких врачей, печатников, плавильных дел мастеров, а самое главное — купцов. Юридически закреплялось существовавшее многие десятилетия подряд положение, при котором местами относительно свободной деятельности последних были Москва (куда особенно много немцев съезжалось на торги зимой), Новгород (где, по данным 1489—1494 гг., действовало от 40 до 49 купцов из 13 городов Ганзы), Псков (в «Немецком берегу» которого проживало до 20 коммерсантов соответствующей национальности), Ладога (здесь в 1500—1503 гг. существовал целый немецкий квартал), Руса, Копорье. Товарами германского экспорта являлись пиво и мед (впоследствии запрещенные русскими к привозу), оружие, посуда, ткани, лошади, а импорта — воск, рысь, соболь, беличья и волчья меха, кожи разного рода и уровня выделки. Общий же наплыв германоговорящих на Русь принял такие размеры, что само слово «немец» стало прочно ассоциироваться у местных жителей с понятием «иностранец»⁹. Связи же с такими «дальними» странами Европы, как Португалия, Франция, Англия, начали развиваться, очевидно, несколько позднее.

Итак, мы видим, что в период становления независимого Московского государства при Великом князе и царе Иоанне III (1462—1505 гг.) резко увеличивается приток сюда иноземных гостей с Запада, причем среди немцев, австрийцев, шведов, испанцев, датчан количественно преобладали именно первые. Если же говорить о профессиональной принадлежности гостей (т. е. приезжавших), то здесь, в широком спектре от «рудознатцев» до купцов, приоритет должен быть отдан последним (что нашло свое закрепление даже в тогдашнем русском языке; см.: «гость»=«купец», и в то же время — «приезжий»).

Примечания

¹ Meiners G. F. Vergleich des ältern und neuern Ruslandes. Berlin, 1857. Teil 1. S. 2.

² См.: *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866. С. 13—14.

³ *Бантиш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894. С. 162.

⁴ См.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 326—327.

⁵ *Бантиш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 298.

⁶ Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 318; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 321; Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 342—344, 346—348.

⁷ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев... С. 11, 62, 166, 186—187, 217; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 301; *Арандаренко Н.* Записки о Полтавской губернии: В 3 ч. Полтава, 1852. Ч. 3. С. 287—288; *Рамм Д. Я.* Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959. С. 218.

⁸ См.: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. 1. С. 9—10; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. Т. 5. С. 134—138, 189, 205—207, 335.

⁹ *Übersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des XV Jahrhunderts. Band I. Wien; Leipzig, 1906. S. 14—15, 86—87, 104—108.

В. А. Воронин

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ПОЛОЦКА С ГОРОДАМИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В первой половине XVI в. Полоцк продолжал играть одну из важнейших ролей в системе городов Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), ведших крупную внешнеторговую деятельность. Его ключевое положение в северной части государства и привилегии, наиболее ценной из которых был запрет на гостевую торговлю, были еще раз подтверждены и систематизированы в привилее (жалованной грамоте) на магдебургское право 1498 г. А. Л. Хорошкевич, изучавшая социально-экономическое развитие Полотчины, пришла к заключению, что в XV в. главными для полочан были торговые связи с Ригой¹, отметив при этом крайне важное значение северо-восточного и восточного направлений внешней торговли Полоцка². Очень близкая ситуация наблюдалась и в следующий полувековой период. В торговле Полоцка